УДК 801+821.161.1ЕСЕНИН
DOI: 10.15350/26191490.2021.1.10

Е. А. Самоделова

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ТОПОНИМИКИ В ПОЭМЕ С. А. ЕСЕНИНА «ПУГАЧЕВ»

В статье впервые предложен теоретический подход к изучению поэмы С. А. Есенина «Пугачев» с позиций топонимики. Используются статистический, лингвистический и историко-филологический методы изучения литературных топонимов, связанных с событиями Пугачевской народной войны и реальными картографическими проекциями двух эпох – конца XVIII и начала XX вв. Изучено отличие в разнообразии, эвристичности и количестве топонимов в основном тексте и в вариантах поэмы; высказаны гипотезы относительно расхождения в числе географических наименований в рукописях и окончательном варианте произведения. Приведены сведения о знакомстве поэта с топонимами пугачевщины, начиная со школьной программы, и связи с уроженцами из тех мест. Очерчен предположительный круг топонимических источников поэмы, проанализированы некоторые из них и их отражение в «Пугачеве», иногда в трансформированном виде. Указаны возможные причины несоответствия целого ряда исторических топонимов и тех, что фигурируют в поэме. В их числе – стремление С. А. Есенина подчеркнуть крестьянский характер народного освободительного движения, хотя его основной движущей силой были казаки и кочевники-скотоводы – представители автохтонного населения Приуралья. Реальное путешествие по местам Пугачевских событий, предпринятое Есениным весной-летом 1921 г., также внесло неразбериху в оценку использования в поэме исторических и современных названий, отражающих принцип историзма в литературном произведении.

Ключевые слова: литературная топонимика, топонимические источники, основной текст и варианты, топонимы в поэме С. А. Есенина «Пугачев», анахронизмы в топонимах.

Поэма «Пугачев» Есенина написана в 1921 г. (имеет авторскую дату под текстом «Март – август 1921», опубликована в 1922 г.), во время поездки по Пугачевским местам вслед за путешествием А. С. Пушкина, изучавшего архивные материалы для создания «Истории Пугачевского бунта» и записывавшего фольклор о Пугачеве и воспоминания современников о нем. В то же время Есенин сочинял свое произведение в состязании с А. Б. Мариенгофом, посвятил его своему другу – автору поэмы «Заговор дураков» (1922).

О командировке Есенина (или подобию официальной поездки) известно, что он путешествовал по железной дороге в Среднюю Азию (точнее, в Туркестан) в специальном вагоне Г. Р. Колобова,

уполномоченного Транспортно-материального отдела ВСНХ и Высшего совета по перевозкам при Совете труда и обороны, бесплатно в апреле – июне 1921 г. (III, 465)¹; о статусе поэта можно судить по сопоставлению фактов: А. Б. Мариенгоф (?) просил О. Смирнова быть порученцем Г. Р. Колобова – уже после той состоявшейся поездки, в середине 1921 г., чтобы ехать в его вагоне, это записано в его трудовой книжке – значит, и у Есенина была такая запись [Летопись. 3 (1), 99]. Известно, что Пушкин

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на Полное собрание сочинений С. А. Есенина (1995–2001), римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

в 1831 г. был принят на службу в Министерство иностранных дел и имел мандат от императора Николая I на изучение архивов, в том числе и по поводу событий Пугачевщины.

Поездка Есенина в Туркестан состоялась после 16 или 17 апреля и до 11 июня 1921 г. – известна лишь общая датировка путешествия, конкретные даты пребывания в населенных пунктах довольно условные, но, к сожалению, более точных свидетельств нет [Летопись, 2005б, с. 100–133]. Написание глав «Пугачева» в вагоне Колобова – это как трэвел-бук, как полевой или дорожный дневник, как записная книжка. Есенин приводил исторические события Пугачевщины по памяти или, менее вероятно – сверяясь со взятыми в путешествие книгами (но память у него была отличная, такой предполагаемый книжный багаж был излишним и, по сути, мешал свободному творчеству), а вот топонимы мог вставлять те, которые встретились по пути; Иванов-Разумник в 1926 г. свидетельствовал о юности поэта, что «память тогда у него была исключительная» (II, 458).

Есенин особенно ценил «Пугачева», много раз читал для публики и переиздавал. Поэтому важно не только то, какие разряды топонимов из Есенинской космографии вошли в поэму, но и те, которые не вписались в нее, хотя были обозначены в рукописях. Существенны и абсолютное количество топонимов, их вариативность и повторяемость, разница в подборках топонимов в вариантах и в окончательном тексте произведения. Теме художественной топонимики в «Пугачеве» Есенина посвящен целый ряд статей и глав монографий автора статьи [Самоделова, 1995, с. 93–121; Самоделова, 1998а; Самоделова, 1998б, с. 501–539; Самоделова, 2020а; Самоделова, 2020б, с. 323–328].

Сочинение Есенина (помимо многих художественных достоинств) примечательно обилием литературных топонимов, полностью совпадающих с реальными или хотя бы основанных на них. Для изучения авторской топонимики применяются статистический, лингвистический и историко-филологический методы. Топонимы охватывают огромную территорию – фактически центральную часть России от Москвы по Урал, на которой происходили события Пугачевщины, и далее с упоминанием Азии с Аральском и Каспием, Турции (Туретчины), Монголии (Монгольи) и Китая. И хотя большинство географических названий относится к охваченному Пугачевским восстанием пространству, тем не менее очерчен-

ный топонимами круг упомянутых поэтом земель и водных просторов гораздо шире. Всего в поэме насчитывается несколько десятков топонимов, точное число установить невозможно, поскольку наблюдается вариативность в написании географических наименований, их двойная привязка к водным (речным, морским) и земным (населенным пунктам, горам, губерниям) объектам; часть географических названий фигурирует в рукописях, причем с варьированием по разным слоям авторской правки. В прижизненных изданиях поэмы, несмотря на вносимую иногда Есениным правку, новых топонимов не наблюдается.

Топонимы в произведении можно подразделить на четыре группы, различающихся качественно и по размеру обозначаемых ими территорий. В первую группу входят наименования стран и расположенных на них государств; во вторую – обозначения краев, губерний и других больших территорий в соответствии с принятым в определенную историческую эпоху территориально-административным делением (это деление оказывается различным для Пугачевщины и времени написания поэмы, и эту разницу не всегда учитывал Есенин, допуская поэтические вольности). В третью группу включаются гидронимы, обозначающие моря, реки и их притоки (относительно этой группы поэт соблюдал точность хронологии в бытовании их различных названий, характерных для первой половины 1770-х гг. и для начала 1920-х гг.); в четвертую – названия населенных пунктов: городов, пригородов, постоянных дворов (они также были подвержены переименованию на протяжении всей истории). Таким образом, при внимательном чтении поэмы становится заметным некоторое расслоение исторических названий на характерные для периода Пугачевской войны и соответствующие Есенинскому времени; наблюдается некий анахронизм в изложении исторических событий.

Выбирая сюжет из давней исторической эпохи, С. А. Есенин (как и другие писатели) обращал внимание на его определенное сходство с событиями своего времени и порой невольно замещал старинные топонимы современными, чем вносил путаницу в стройность изложения и нарушал почти эпический колорит, хотя иногда сознательно мог акцентировать внимание читателя с помощью художественно-психологического приема переключения его восприятия – со звучания текста как будто давнего на современный лад, нарочито внедряя анахронизмы в произведение. Кроме того,

анахронизмы могут служить одним из показателей цикличности истории и развития цивилизации по спирали.

К первой группе топонимов относятся синонимические наименования одного государства, представляющие его в разные исторические периоды и/или варьирующиеся в силу своей неустойчивости во второй половине XVIII в.; у Есенина они также сосуществуют в едином «поэтическом поле» топонимики с семантикой ‘Родины’ (идеализированной и, наоборот, политически-враждебной действующим лицам поэмы), явленной в основном тексте и вариантах: это Русь (III, 12, 335), Россия (III, 14–15), Российская империя (III, 14), страна Российская (III, 334), где разворачиваются описываемые события. Родному государству восставших казаков противопоставлены Азия, Туретчина, Измаильские поля (III, 335), Монголия (Монголья) и Китай (III, 13–14); два последних топонима являются исторической родиной калмыков (представителей монгольского племени, проживавших отчасти в Китайском государстве) и идеальным центром притяжения, «землей обетованной» и одновременно землей их предков. Вторая группа представлена топонимами: Тверская провинция, Уфимская провинция, Пензенская губерния (при Пугачеве была Пензенская провинция), Приволжье, Башкирия, Татария, Урал (топоним условно выделен нами на основе названия главы 5 «Уральский каторжник»). Третья группа включает 14 (или 13) гидронимов, включая моря в основном тексте и вариантах: Волга, Дон, Иргис, Сура, Чаган, Черемшан, Яик, Каспий и Алатырь, Аральск, Вятка, Джигильды (Джагильды) (?), Самара, Сакмара; вторая часть наименований, начиная с Алатыря, в зависимости от контекста поэмы (также точности и однозначности его прочтения) может оказаться у С. А. Есенина названиями населенных пунктов, гор, курганов и больших территорий [см.: Самоделова, 2020a]. Четвертая группа объединяет следующие города и селения, а также значимые малые объекты в них, обозначаемые микротопонимами: Гурьев, Казань, Оренбург (край Оренбурга), Оса, Сарапуль, Сарепта, Табинск, Табинский острог, Таловый умет, Тамбов, Челябинск, Яицкий городок (это помимо Алатыря, Аральска, Самары, Сакмары и Вятки, приведенных выше среди рек и морей, а также имеющих вероятную трактовку как населенных пунктов). Автограф РГАЛИ добавляет к этому списку в основном города: Белебей, Богульма, Вятка (также может быть рекой и губер-

нией в простонародном названии), Ирбит, Илецк (ошибочно – Плещк, III, 309), Кокшайск, Кунгура (правильнее Кунгур; возможно, неверное прочтение «Кунгурь» по старой орфографии; назван по одноименной реке), Мелекес, Мензелинск, Нижний <Новгород>, Охань и его вариант Оханск, Пенза, Пермь, Саратов, Стерлитамак, и только одну реку – Чусовая. Больше число топонимов в автографе (РГАЛИ) по сравнению с публикациями поэмы соотносится с таким же значительным количеством имен персонажей, от чего впоследствии Есенин откажется, стремясь к лаконичности содержания и, наоборот, к усилению степени исторического обобщения.

Некоторые географические названия обозначают одновременно водные объекты и населенные пункты, а в разговорной речи могут служить именованиями широких пространств с их административно-территориальными границами, меняющимися с течением времени и зафиксированными в конкретных рамках в истории. Есенин мог вкладывать разный «топонимический смысл» в такие не вполне устойчивые наименования в зависимости от создаваемого содержания (поэтического контекста); и смысловые нюансы в разных случаях то легко и однозначно прочтываются в поэме, то, наоборот, остаются неясными и завуалированными. Примеры: «границы Уфы» (т. е. Уфимская провинция или г. Уфа в варианте – III, 274), Аральск (сокращенный в народном употреблении двусловный топоним Аральское море и построенная в 1905 г. станция Аральское море в связи с прокладыванием железной дороги Оренбург – Ташкент) [Самоделова, 2020a].

Если среди филологов (в том числе есениноведов) принято говорить о «литературной карте» какого-либо художественного произведения, то у С. А. Есенина фактически получается «литературный атлас», поскольку его поэма включает топонимы с разномасштабных карт, как бы вложенных одна в другую согласно их различным территориальным охватам. С одной стороны, самыми главными, отражающими географию Пугачевской войны оказываются региональные топонимы, кучно расположенные на карте и определяющие территорию непосредственных военных действий в пределах бассейнов рек Урала, Дона и Волги. С другой стороны, важную роль также играют топонимы с крупномасштабных карт, на которых указаны далекие друг от друга континенты, целые государства и столичные города: Азия, Китай, Монголия,

Турция, Российская империя, Москва (тоже употреблена в государственном смысле – как метонимическое название Московского государства, уже являющегося историзмом в конце XVIII в.).

История подбора С. А. Есениным топонимов для поэмы оказалась продолжительной и многоаспектной. Разные географические названия были усвоены поэтом в разное время, начиная со школьного периода, когда он обучался в Константиновском земском четырехгодичном народном училище в 1904–1909 гг., в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг. и в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского в 1913–1914 гг., и заканчивая периодом непосредственной работы над поэмой. Имевшие отношение к Пугачевщине топонимы были усвоены Есениным из самых разных источников. Во-первых, из различного рода публикаций, включая серьезные научные монографии о Пугачевском движении, учебники и учебные пособия по истории и другим дисциплинам, художественную литературу («Историю Пугачевского бунта» и «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина), журнальных и газетных статей с упоминанием крестьянской войны 1773–1774 гг. Во-вторых, из атласов и географических карт, в том числе из карты-схемы Пугачевского движения из трехтомника «Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774. По неизданным источникам» Н. Ф. Дубровина (1884). В-третьих, некоторые географические наименования были прочитаны Есениным на дорожных указателях и прочих вывесках во время его путешествия по Пугачевским местам. В-четвертых, топонимы были восприняты со слуха или перепроверены таким способом, в том числе с учетом современного Есенину диалектного произношения местными жителями или выходцами из той местности (такие географические названия звучали в фольклорных произведениях в их живом бытовании и в обычной речевой практике коренного населения). В-пятых, отдельные топонимы могли быть намеренно или произвольно видоизменены поэтом, вложившим в них дополнительный идейный смысл в соответствии со своим художественным замыслом.

О роли географических наименований в жизни человека и топонимов в литературном творчестве С. А. Есенин мог прочитать в учительской школе и при подготовке к поступлению в Московский учительский институт, куда его намерены были опре-

делять учиться родители (особенно отец); об этом поэт сообщил в целом ряде автобиографий (VII (1), 9, 15, 19) и вспоминала его сестра А. А. Есенина. В «Учебнике русской истории» К. Елпатьевского, выдержавшем множество изданий с 1888 по 1915 гг. и допущенном «в 1902 г. Уч. Ком. Мин. Нар. Просвещения в качестве учебного руководства по русской истории для старших классов всех средних учебных заведений Мин. Нар. Просвещения» (так указано на титуле 8 изд. (1903) [Елпатьевский, 1903, с. I], сообщается о неразрывной связи истории с географией на примере первого российского историка: «Управляющий горными заводами, впоследствии астраханский губернатор, Татищев делается первым собирателем и критиком материалов русской истории. Это случилось таким образом: служа под начальством графа Брюса, Татищев помогал ему в составлении полной русской географии, а потом должен был взять на себя один весь этот труд; но при этом Татищев заметил, что без полной и верной истории нельзя составить полной и верной географии, и вот он начинает заниматься русской историей: собирает летописи, делает выписки из немецких и польских исторических книг, из книг же, написанных на языках ему неизвестных, заставляет переводить известия о России» [Елпатьевский, 1903, с. 330–331].

В учительской школе будущий поэт также изучал методическое пособие «О преподавании отечественного языка» (1844) Ф. И. Буслаева, в котором, наоборот, история поставлена на первый план и пропагандируется ее подкрепление географией: «И действительно, какое богатое поприще предлагает для письменных упражнений история! Но главное, чтобы описываемые исторические события имели отличительный характер, были бы замечательны по своему историческому влиянию на жизнь народа; и особенно не надобно забывать, чтобы источниками для этих описаний служили классические образцы» [Буслаев, 1867, с. 173]. И далее: «То же самое должно сказать и о географии, или естественной истории, где только введена сия последняя. Напр., общее географическое обозрение; частное описание известной страны в отношении к естественным произведениям, к образованию земли, к истории и т.д.; течение реки (Рейна, Днепра, Волги); образование гор (Ал(ь)пийских, Кавказских); в отношении этнографическо-статистическом, описание образа жизни народов южных и северных, западных и восточных, описание кре-

постей, городов торговых, приморских, нагорных, степных и т.п.» [Буслаев, 1867, с. 174].

Интересно, что о Пугачевской войне С. А. Есенин читал в упомянутом учебнике К. Елпатьевского, где в главе «Пугачевщина» [Елпатьевский, 1903, с. 359–362] излагались причины и хронология событий, приводились сведения топонимического характера, связанные с основными участниками и картой военных действий. Уже в первом предложении приведены топонимические эпитеты: «В то время как Екатерина была занята турецкой войною и делами польскими, в юго-восточных пределах России возник страшный казацкий мятеж, известный под именем Пугачевщины, так как во главе восстания стоял донской казак Емельян Пугачев» [Елпатьевский, 1903, с. 359]. Для Есенина, уроженца с. Константиново Рязанской губ., проживавшего в Центральной части Российской империи, территория Пугачевщины и населявшие ее коренные народы могли относиться к экзотике и потому особенно заинтересовать будущего поэта: «Успеху пугачевского бунта много способствовал характер населения Приуральского края, где появился Пугачев. Жившие здесь кочевники – калмыки, киргизы и башкиры не были еще вполне подчинены русскому правительству: среди них было сильное неудовольствие на то, что с постепенной постройкой в этой местности многих городов и укреплений русские отнимали у них лучшие пастбищные земли, и кроме того они жаловались на притеснения местных начальников. Чуваши, черемисы и другие инородцы также склонны были к волнениям» [Елпатьевский, 1903, с. 360]. Большинство перечисленных «инородцев» – калмыки, киргизы и башкиры, татары – выведены Есениным как участники Пугачевской войны, а с чуваши связан упомянутый в поэме г. Алатырь. Дериват от лексемы «инородец» Есенин применил в рукописи, но потом от него отказался: «К нам на помощь [пошла] пришла инородческая // Кочевая степная [орда] гроза»¹ (III, 283). Очевидно, отказ был вызван несогласием таких терминов Советской власти, утверждавшей интернационализм и братство народов, хотя в конце XVIII в. подобные словечки являлись обычными, без унижительной коннотации, без разделения на «старшего брата» и «младших». С. А. Есенин в вариантах указывает «пограничную

Русь» (III, 320–321), становясь на точку зрения автохтонного населения Уральских земель и русских переселенцев из центра государства.

Основные военные действия совершались русскими, населявшими бассейн р. Яик (переименованного Екатериной II после Пугачевщины в р. Урал), о чем сообщалось в учебнике К. Елпатьевского: «Главными же заводчиками бунта явились яицкие (уральские) казаки. Яицкие казаки, образовавшиеся из донских выходцев и разных беглецов в начале XVII в., до Петра В^{еликого} пользовались полной свободой и управлялись выборными атаманами, но с Петра В^{еликого} свобода их постепенно ограничивалась <...> они должны были служить в гарнизонах тех маленьких крепостей (Яицк, Оренбург, Илецкий городок и др.), которые были основаны в XVIII в. по Уралу <точнее, Яику> и его притокам против набегов киргизов и башкир» [Елпатьевский, 1903, с. 360]. Перечисленные городки с разными видами оглазовки их названий представлены в «Пугачеве» Есенина (Илецк указан в рукописи, но не вошел в окончательный текст).

Ситуация с неверным реагированием императрицы из столицы империи на волнения казаков, приведшая к Пугачевской войне, также описана К. Елпатьевским: «Тогда из Москвы был прислан генерал Фрейман с войском, который усмирив мятеж <...>. Несмотря на эти строгие наказания, казаки продолжали втайне волноваться, поговаривая, что “то ли еще будет, так ли еще они тряхнут Москвою” <...>» [Елпатьевский, 1903, с. 360]. Есенин представил эту историческую ситуацию как: «Пусть знает, пусть слышит Москва – // На расправы ее мы взбysтрим» (III, 17).

К. Елпатьевский уделил внимание биографии Е. И. Пугачева, наделив ее «топонимическими метами», которые потом использовал Есенин (за исключением «польского маркера» и р. Кубань): «Донской казак Пугачев участвовал в польских и турецких походах, за которые получил чин хорунжего; по возвращении из этих походов на родину он вскоре бежал с Дона, несколько времени скитался по разным местам и во время этих скитаний близко сошелся с раскольниками. Узнав о волнениях среди яицких казаков, он явился к ним и стал уговаривать казаков бежать за Кубань и перейти в подданство турецкому султану» [Елпатьевский, 1903, с. 361].

В учебнике Елпатьевского перечислены казачьи крепости, захваченные Пугачевым: «Илецкий

¹ Здесь и далее в тексте С. А. Есенина в квадратных скобках приведены зачеркнутые поэтом слова.

городок, а за ним и другие крепости без боя стали сдаваться Пугачеву <...>»; «В октябре у Пугачева уже было 25000 войска, с которым он осадил Оренбург» [Елпатьевский, 1903, с. 381–362]. Есенина описал эти события так: «Оренбург, осажденный Хлопушей, // Ест лягушек, мышей и крыс» (III, 35).

Более широкие топонимические описания также представлены у Елпатьевского: «<...> восстание скоро охватило весь Поволжский край – губернии Астраханскую, Казанскую, Нижегородскую, Пермскую» [Елпатьевский, 1903, с. 362]. У Есенина такая широкая карта восстания отражена в основном тексте и вариантах: «Нынче ж в ночь потеряет враг // По Приволжью все склады и пристани» (III, 35, ср. 279); «Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля // Двадцать самых тяжелых крепостей // И в Казани <?> и в Перми и в Саратове» (III, 278); «И в Казани, и в Перми, и в Саратове // Точит чернь топоры на властей. // Скоро брызнет она в зверской стычке» (III, 334).

Ситуация с переломом Пугачевской войны, когда успехи восставших закончились и начались военные победы правительственных войск, также описана Елпатьевским как результат назначения Екатериной II генерала А. И. Бибикова новым главнокомандующим: «Бибиков прибыл в Казань в конце декабря и при содействии местного дворянства принял против Пугачева решительные меры. <...> Правительственные войска взяли Самару и двинулись на выручку Оренбурга» [Елпатьевский, 1903, с. 362]. У С. А. Есенина ситуация представлена в основном тексте и вариантах так: «Знаю я, нынче ночью идет на Казань // Емельян со свирепой конницей» (III, 38); «Около Самары с пробитой башкой ольха, // Капая желтым мозгом, // Прихрамывает при дороге» (III, 35, 280); «Прорубились ли в Азию бунтовщики? // Иль, как зайцы, бегут от Оренбурга?» (III, 30); «Оттого, что без Хлопуши // Вам не взять Оренбург // Даже с сотней лихих полководцев» (III, 33; ср. 271) и «Без Хлопуши не взять Оренбург // Даже лучшим из ваших полководцев» (III, 271) и др.; «Знаешь ли ты, что в Оренбурге // Зарезали Хлопушу?» (III, 41); «Оттого-то шлет нам каждую неделю // Приказы свои [Оренбург] [Оренбург] Оренбург» (III, 215); «Должен знать, что [наш] весь край Оренбурга // Лишился овчин и мяса» (III, 218) и «Должен знать, что [лишил] лишил Оренбург» (III, 219); «Оренбургский губернатор подарил стране // Отчаянного негодяя и жулика Хлопушу» (III, 264).

Далее Елпатьевский объясняет новый поворот военных событий внезапной смертью Бибикина и назначением главнокомандующим графа Петра

Панина, а Пугачев со своим войском сначала окреп, но в итоге все-таки потерпел поражение: «Он сжег Казань, взял Пензу и Саратов, но разбитый несколько раз полковником Михальсоном, который энергически его преследовал, Пугачев пустился вниз по Волге к Царицыну. Михальсон настиг Пугачева и разбил на голову под Черным Яром (1774 г.), после чего Пугачев бросился в степь, где его со всех сторон окружили правительственные войска, над которыми принял начальство вызванный сюда Суворов. Тогда казаки сами выдали Пугачева Суворову» [Елпатьевский, 1903, с. 362]. Из приведенных топонимов Есенин проигнорировал последние места дислокации Пугачева – Царицын и Черный Яр. Возможно, от Царицына Есенин отказался по двум причинам: 1) из-за его имперски-маркированного названия, хотя и упраздненного при Советской власти только в 1925 г., после написания поэмы; 2) из-за его неактуальности для сюжетной линии поэмы, оборванной автором в связи с тотальным поражением Пугачева и сообщением о его предательстве казаками. Остальные топонимы Есенин вывел в вариантах поэмы: «И в Казани <?> и в Перми и в Саратове // Не видали» (III, 278) и «И в Самаре и в Пензе и в Саратове // Не забудут столь славных гостей» (III, 279), а также «На Саратовской гор<одской> стене» (РГАЛИ) (III, 275) и «Лунный парус над саратовской крепостной стеной» (РГАЛИ, ф. Зелинского) (III, 334) и др. Перечень именно этих топонимов в одном стихе показывает, что С. А. Есенин, более чем вероятно, учитывал информацию и лаконичный способ ее подачи в учебнике Елпатьевского.

Безусловно, этот учебник не был единственным источником сведений по Пугачевской войне (и ее топонимам) для Есенина, но он ценен тем, что относится к первому ряду данных о ней. В пособии для учителей «О преподавании отечественного языка» Ф. И. Буслаева, в главе «Письменные упражнения», в пункте 5 «Отношение письменных упражнений к преподаванию отечественного языка», в параграфе «д» «Извлечения», при изучении творчества писателя и одновременно риторики как учебной дисциплины предлагалось выписывать «из какого-нибудь классического произведения замечательные слова и выражения, тропы, фигуры, синонимы и т.п.» и называлась «История Пугачевского бунта» А. С. Пушкина по изданию 1834 г., которая могла привлечь внимание Есенина. В рекомендуемых примерах Ф. И. Буслаев многократно упоминал Пугачева, Зарубина, Тимофея Мясникова –

с одной стороны, и Суворова с Михельсоном – с другой, хотя и без соотношения их имен с географией военных походов [Буслаев, 1867, с. 189–190].

Примером знакомства Есенина с людьми – выходцами из Пугачевских мест, может служить сообщение жительницы д. Волхона Рязанской обл. (по соседству с с. Константиново) А. А. Павлюк, 1924 г. р.: «Мой родной отец. Про Серёжку он знал хорошо. Наш папаня – он помер в 92 года – Афанасий Мелентьевич Серёгин. <...> Он у нас был из города Пугачёва Куйбышевской области. Он во время Гражданской войны остался здесь. <...> И вот он тут женился. Так он тут и прожил с мамой с моей. Как Есенина видел? <...> Он вот рассказывал. Говорит: я там коров караулил, а он в шалаше стихи писал. Ну, как стихи? Это еще рукопись его была. Вот. Рыбу ловили с ним вместе, вот, с брédнiям» [Самоделова, 2006, сн. 2054]. Конечно, можно лишь предполагать некоторую связь двух фактов – написание Есениным поэмы «Пугачев» (1922) и его знакомство с выходцем из г. Николаевск (г. Пугачев с 1918 г., а с 1764 по 1835 гг. – слобода Мечетная).

Также С. А. Есенин познакомился в Москве в 1919 г. с С. И. Гусевым-Оренбургским, который был родом из Оренбурга и даже добавил дополнительное обозначение местожительства к своей фамилии, мог рассказывать поэту о родном городе и Пугачевщине в том краю. Волжское село Ширяев Буерак – родина поэта А. В. Ширяевца (Абрамова), друга Есенина. Об упомянутом в «Пугачеве» Алатыре Есенин слышал от Н. Р. Эрдмана, которому в период после 25 июля до 17 сентября 1919 г. отправил письмо по месту прохождения военной службы в этом городе (их переписка того времени не сохранилась) [Летопись, 2005а, с. 286, 298].

В поездке в Туркестан (и на обратном пути в Москву) состоялась встречи С. А. Есенина с местными уроженцами или оказавшимися там по воле обстоятельств людьми. С. Оков сообщил в письме А. В. Ширяевцу: «В дороге, не то в Челкаре, не то в Актюбинске <...> встретились мы с Есениным и около часа проболтали на литературные темы» [цит. по: Темкина, Тартаковский, 1966, с. 153]. По предположению исследователя В. Земскова, именно в вагоне поезда появились у Есенина местные топонимы: «Вероятно, по мере накопления впечатлений, в черновиках все чаще и чаще проскальзывают названия уральских городов и местечек» [Земсков, 1966, с. 142; Самоделова, 1998а, гл. 8, с. 140; Самоделова, 1995].

Показательно, что в «Пугачеве» присутствуют только два типа топонимов из всех топонимических групп, которые можно выделить у Есенина: это реальные и литературные, но основанные на первых (в том числе искаженные, анахронические). Нет фольклорных (типа Китежа, встречающегося в «Инонии» (1918) (II, 61), антично-мифологических (Лета и др.), библейских (Рай, Назарет, Иордань и др.), квазитопонимов (Белая вода) и совершенно вымышленных авторских (типа Инония, Страна Негодаев), хотя полностью придуманный персонаж, не имеющий исторического прообраза, есть – Крямин, необходимый поэту специально для роли предателя, чтобы случайно не опорочить честь реального яицкого казака, которого потребовалось бы вычленил из относительно безликой группы заговорщиков.

В поэме имеется интересная группа авторских топонимов, которые являются подлинными или искажены Есениным таким образом, что в них становится заметной семантика божественного, которая либо совершенно отсутствовала в исходном топониме (Богульма – ср. с исходным Бугульма), либо была изначально присуща ему. Пример второго типа – Алатырь – с его неясной этимологией, в том числе восходящей к ‘янтарю’ и ‘алтарю’; с сакральным значением Алатыря-каменя в русском фольклоре (в частности, в заговорах и духовных стихах), где он уподоблен престолу в христианском центре мира, на нем восседает Богородица; встречается в «Голубиной книге», которую процитировал поэт в «Ключах Марии» (1918) (V, 195, 206, вар. 293, 303).

Такая авторская топонимическая система относится к одному из типов литературного историзма, причем дореволюционного, а не советского толка, когда писатель хоть и совмещает две эпохи – в данном случае пугачевскую и современную для него самого, но не внедряет в художественную ткань произведения вымышленные топонимы, зато обнажает библейский контекст. Для христиан, которых было большинство в Российской империи, они трактовались в качестве «титульной нации», и их преобладание еще сохранялось в первые послереволюционные годы, когда писался «Пугачев», историческое поступательное развитие цивилизации, государства, общества начиналось со Священной истории, с сотворения мира и далее связывалось с личностью Христа. Понятно, что в советскую эпоху Есенин уже не мог открыто насыщать свои сочинения (в том числе «Пугачева»)

откровенными сюжетными уподоблениями Библиейской истории, как он делал в «маленьких поэмах» революционной эпохи 1917–1919 гг., давая им даже сугубо христианские заглавия («Октоих», «Иорданская голубица», «Пантократор», а также в 1920 г. «Сорокоуст»), хотя возможность внедрения в художественную ткань произведения отдельных слов с христианской семантикой или хотя бы этимологией еще оставалась в начале 1920-х гг. В «Пугачеве» не упомянуты характерные для Пугачевской географической карты Иргизские скиты (как нет церквей), зато есть объекты, нейтральные в религиозном и государственно-политическом отношении: Таловый умет, Саратовская крепостная стена (в вариантах). Можно сравнивать реальную топонимическую карту Пугачевщины с Есенинской литературной картой и увидеть, что было в истории Пугачевского восстания описано до Октябрьской революции 1917 г. и от чего Есенину пришлось отказаться из-за кардинально изменившейся политической обстановки. Также имеется возможность сравнить топонимы из «Пугачева» с группами топонимов из всей совокупности остальных произведений С. А. Есенина. В результате легко выявить, что в «Пугачеве» нет топонимов, построенных по церковно-славянской словообразовательной модели: как были Новогород вместо Новгорода в «Марфе Посаднице» (1914) (II, 9), Белград вместо Белгорода в «Песни о великом походе» (1918) (III, 132), которые хотя и авторские (не путать Белград Есенина со столицей Сербии!), но имеют едва уловимый из-за их словообразовательной модели христианский оттенок; в данных случаях время написания произведений – советское или дореволюционное – не играет никакой роли.

При жизни С. А. Есенина, еще до поступления его в Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу, в «Программах для церковно-учительских школ» (1903) указывалось: «При изложении всеобщей гражданской истории следует, по возможности, осветить ученикам весь ход жизни наиболее замечательных народов и выяснить их значение для целого человечества. При этом необходимо привести учеников к убеждению, что в ходе исторической жизни человечества проявляется действие Промысла Божия. При преподавании следует избегать излишних подробностей и мелочей; как описания внешних событий, так и биографии выдающихся исторических деятелей не должны быть многословны. Следует также избегать всего, что может произвести тяжелое впечатление на

учеников или оскорбляет их нравственное чувство» [Программы, 1903, с. 77]. Этот программный тезис применим и к системе топонимов, связанных с российской историей.

С. А. Есенин внедрял библийский подтекст в «Пугачева» с помощью библеизмов, но проводил христианский контекст между строк, часто намеками, в том числе включая подлинные (из сакрального фольклора – из духовных стихов и заговоров с христианской символикой – вспомним Алатырь) или преобразованные в сторону внедрения библийского смысла (Богульма вместо Бугульмы, хотя на огласовку топонима могло повлиять воспринятое со слуха неотчетливое звучание первого слога с гласным звуком во 2-й предупредительной позиции). Подтвердить наличие такого христианского контекста в топонимах помогает целый ряд микросюжетов и образов (в том числе в вариантах), вызывающих отчетливые или неявные ассоциации с Библией, с ее неортодоксальным восприятием народом и переосмыслением в фольклоре и разговорно-бытовой практике: «Воском жалоб сердце Каина // К состраданию не окапишь» (III, 9); «Только знаю я, что эти избы – // Деревянные колокола» (III, 8); «Нам нужен тот, кто б первым бросил камень» (III, 11); «Храни тебя Господь!» (III, 12); «Уж на нашесте громко проиграл // В куриную гармонику петух» (III, 12); «К черту! К черту предателей!» (III, 14); «Дай же Бог ему добрый путь!» (III, 15); «Казачи! Вы целовали крест!» (III, 16); «Откушай похлебки метелицы» (III, 17); «Этот дождь на счастье Богом дан» (III, 20), «Мало ль ходит какой чертовщины» (III, 286, ср. 287); «Сами себе вы придумали смертные тер<нии>» и «Сами себе вы придумали неодолимые тернии» (III, 308), «Вижу, вижу, вот пред Божницей в поту // Мать моя Господу за жизнь мою грешную молится» (III, 331) и т.д.

Однако С. А. Есенин, если он хотел остаться верен исторической правде хотя бы в общих чертах и воссоздать литературными средствами широкую панораму Пугачевщины, должен был учитывать два важных религиозных момента: 1) главные инициаторы восстания – старообрядцы, значит, хранители исконной православной веры (это линия библийских топонимов); 2) многонациональность участников, их принадлежность к другим религиям – мусульманству (татары, башкиры, киргизы) и буддизму (калмыки). Следовательно, библийская тематика не может быть довлеющей и по этой причине. Топонимы Пугачевщины с их сложной полиэтнической этимологией и в основном нерусским

звучанием отражают многонациональный характер местного разнородного населения. Географическая карта Пугачевского восстания в то время воспроизводила юго-восточные окраины России с проживавшими там «иногородцами», «иноверцами», как они тогда именовались в Российской империи; среди местных топонимов, отраженных в «Пугачеве» Есенина, появляются правдоподобные, но в действительности неизвестные названия, неслучайно они представлены в вариантах: Джигильды, Джагильды; Сарукум, Сары-кум (ошибочно указаны Сарукуш, Сары-кум – III, 314). В то же время топонимы выражали чувство Родины, с особенностями экзотического, ориентального, социального, конфессионального, этнического колорита другой земли, но тоже родной для любого гражданина Российской империи, затем РСФСР и СССР с 1922 г. Это не отменяет положения о том, что топонимы отражают разного рода глобальные столкновения – наций, этносов, города/деревни, дворян/казаков/крестьян и т.д. В основе авторской топонимики в «Пугачеве» Есенина лежит литературный и исторический конфликт, наблюдается связь топонимов не только с географией, но и с историей, лингвистикой (с ее разделами ономастики и этимологии). Есенинские топонимы, как бы заимствованные у предшественников (речь идет о стереотипных топонимах, сохраняющих литературную традицию), выявляют поэтические аллюзии.

С. А. Есенин знал из «Программ для церковно-учительских школ» правило, которое, к сожалению или, наоборот, к радости от появления литературных загадок-окказионализмов, он не смог полностью реализовать в собственном творчестве: «Следует достигнуть того, чтобы они <ученики> произносили и писали все собственные имена и новые для них слова без искажения. Встречающиеся в курсе географические данные нужно показать ученикам на карте, и они должны их запомнить» [Программы, 1903, с. 78]. Очевидно, именно из-за сомнений поэта в правильности написания некоторых реальных топонимов появились их варианты в рукописи (как уже отмечалось), хотя не исключена и намеренно поставленная задача разнообразить текст синонимами и однокоренными словами, в том числе и топонимического толка.

Что касается фольклорных топонимов (и реальных наименований с устно-поэтическим наполнением), то жаль, что их нет в «Пугачеве»: они бы еще больше украсили есенинский текст, усилили

народность и многонациональный аспект звучания поэмы. Возможно, так случилось потому, что Пугачевская территория для Есенина относилась к отдаленным землям, путешествовал он по ним все-таки мало, не успел как следует познакомиться с местным фольклором в его живом активном бытовании, не смог вычленивать и из книг и периодики по устному народному творчеству проживающих там народов свойственные им региональные географические названия.

В поэме Есенина присутствуют разные национальные топонимы: немецкая Сарепта, мордовский Алатырь (относящийся к чувашской земле и не являющийся тюркизмом, хотя возможны и иные этимологические версии), татарская Казань, башкирская Уфа, монгольская же Монголия, марийский Кокшайск (из крепости Кокшажек на р. М. Кокшага, потом ставший с. Кокшайское и г. Царевококшайск, именовавшийся также Кокшацкий городок, Царев город на Кокшаге, в 1919 по 1927 гг. или с 1918 по 1919 гг. назывался Краснококшайск, затем Йошкар-Ола) и т.д. [Самоделова, 2020a]. Наоборот, Китай дан в русской огласовке, как это принято в России. Такие иноязычные топонимы придают восточный (ориентальный) колорит поэме.

Некоторые топонимы в своей вариативности в творчестве Есенина обладают смысловой или только лексической заменяемостью, и их использование в качестве «топонимических синонимов» или однокоренных слов могло быть обусловлено рядом причин: поиском поэтом рифмы или созвучия, степенью представленности обозначаемых больших территорий и конкретных населенных пунктов в Пугачевщине, пониманием автором ошибки и исправлением ее и т.п. Характерный пример из разных слоев авторской правки в рукописи:

- I Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто шнырял по Перми и по Вятке.
- II Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто громил Богульму и Мензелинск.
- III Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кунгуру, Белебей и Сарапуль.
- IV Сам ты знаешь, кто брал Оханск,
Мелекес, Белебей и Сарапуль (III, 288) и т.д.

Налицо выбор поэтом одних топонимов и игнорирование других, произошедшее в основном тексте; можно попытаться проанализировать причины Есенина отказаться от некоторых географических

названий или хотя бы дать предположительные объяснения этого текстологического явления.

Внедренные в поэму географические наименования характеризуют тип мышления Есенина и его жизненные устремления: топонимы содействуют выражению мотива дороги, идеи странничества, освоенного и окультуренного пути и, наоборот, чуждой земли («Ржет дорога в жуткое пространство» – III, 7), что проявляется в иноплеменных названиях. Разные ориентиры движения, многовекторная направленность походов казачьих отрядов показаны с помощью топонимов из различных частей света; если встать в центре Пугачевских событий, то на западе оказывается Москва, на востоке – Монголия и Китай, на юге – Азия с Туретчиной.

Некоторые административно-территориальные образования и географические объекты, важные для Пугачевщины, намеренно не получают топонимов у Есенина: так, Пугачев говорит о себе – «В солончаковое ваше место // Я пришел из далеких стран» (III, 8); «Юность, юность! Как майская ночь, // Отзвенела ты черемухой в степной провинции» (III, 50) и т.п. В поэме указано много крепостей и других географических объектов, являющихся обезличенными, без наделенности их топонимами у Есенина. Из такой географической непроясненности и недосказанности возникают загадочность, интрига поэмы, мистический ореол описанных в ней событий и т.п.

Луна может рассматриваться как неявный космоним в системе глобальных топонимических координат (хотя лексема иногда написана с маленькой буквы и имеет синоним без космонимической семантики – «месяц»): «Луна, как желтый медведь, // В мокрой траве ворочается» (III, 7); «Колокол луны скатился ниже» (III, 12); «По луне его учит мать // Мудрости своей звериной» (III, 21); «Там так медленно по небу едет луна» (III, 46) и т.д. Та же амбивалентная ситуация наблюдается с Солнцем и Землей, и отчасти ее двойственность объясняется желанием автора разделить позицию необразованных крестьян, не ведавших о типологии звезд и планет, не представлявших иных космических систем во Вселенной: «О солнце-колокол, твое тили-ли-день» (III, 19); «Кто хихикает там исподтишка, // Злобно отплевываясь от солнца?» (III, 49, ср. 238); «Как будто кто сослал их всех на каторгу // Вертеть ногами // Сей шар земли» и «Как будто кто послал их всех // Вертеть ногами сей шар Земли» (III, 12, 212).

Последние два примера показывают, что решение о написании «топонимоподобного слова» с большой или маленькой буквы мог принять редактор или корректор.

Естественно, в поэме представлена в основном Уральская карта, что обусловлено исторической канвой Пугачевского восстания. Система топонимов у поэта согласуется с отраженным на географической карте тектоническим разломом: Урал – как пограничье Европы и Азии. В Челябинске и в других местах Уральских гор сейчас стоят дорожные указатели и памятные знаки «Европа-Азия», «Урал-Сибирь».

Важно отметить, что Пугачевщина – казачья война, а не крестьянская (хотя крестьяне принимали в ней участие); и Есенин был крестьянином по происхождению и рассматривал бунт Пугачева и казаков с крестьянской точки зрения; поэму он создавал в 1921 г., в период НЭПа (Новой экономической политики) и страшного голода в Поволжье. По ряду специфичных топонимов (Таловский умет, Иргиз с подспудной ассоциацией Иргизских скитов и т.п.) заметно, что речь идет о казачестве, о хранителях старообрядчества, даже если не брать в расчет прямое указание – «казак». Другие топонимы (напр., Пензенская и Тверская губ.) важны для приближения понимания уральских событий к историческому центру России, чему также способствует упоминание крестьян в поэме: «Уже слышится благовест бунтов, // Рев крестьян оглашает зенит» (III, 26); «Только надо сейчас же, не откладывая, // Всех крестьян в том краю взбунтовать» (III, 34); о Хлопуше сообщается – «Заковали в колодки и вырвали ноздри // Сыну крестьянина Тверской губернии» (III, 30).

В поэме наблюдается многократность повторения ситуаций, когда С. А. Есенин с помощью расположенных далеко друг от друга топонимов, как бы полярных, показывает широкий охват территории военных событий: «От песков Джигильды до Алатыря // Эта весть о том» (III, 24, ср. 249) и «От песков Джагильды до Алатыря // Как слепца поводырь» (III, 248); «От Самары проползло на Иргис. <...> Потянулись они в свою Моноглию // Стадом деревянных черепах» (III, 13); «И дворянские головы снимает топор // От киргизских степей до Кокшайска» (III, 267). Другой способ удостоверить обширность подверженных восстанию казачьих земель – дать перечень топонимов, что наблюдается в варианте в разных слоях правки:

VIII Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарapultь.
Даже в Вятке и в Нижнем наш слышали стук
(III, 288).

До появления поэмы С. А. Есенина оба этих метода очерчивания громадной территории проходят по разным эпическим произведениям (очевидно, берут начало в Библии, гомеровском эпосе и русских былинах), сочиненным в разное время различными народами и их поэтами.

Задача обращения исследовательского внимания к топонимам – дополнить текст поэмы историческим контекстом, частью которого оказываются географические названия, потянуть за «топонимические ниточки» судьбы персонажей и показать таким способом историю Отечества, причем оживить ее судьбоносными и повседневными действиями людей, приукрасить героическими событиями прошлого. Важны места расположения топонимов (в том числе и придуманных автором) в художественной структуре поэмы: в названии (Пугачев – это еще и переименованный город Николаевск и прежняя Мечетная слобода), в заглавиях внутри текста («Происшествие на Таловом умете», «Уральский каторжник», «В стане Зарубина», в варианте 6 глава

имеет заглавия в I–II слоях правки – «На Саратовской гор<одской> стене» и «Осада Казани», III, 275), в тексте (в речах персонажей) – подавляющее большинство, в вариантах еще и в ремарках («Таловый умет», «Хутор на Таловом умете» – III, 232).

Подводя итоги, еще раз укажем, что имелся целый спектр возможностей того, откуда С. А. Есенин узнал заинтересовавшие его топонимы: из школьной и университетской программ, литературных источников (преимущественно А. С. Пушкина), исторических монографий, энциклопедических изданий, периодики; воспринял от друзей, со слуха во время путешествия в Туркестан; посмотрел на карте и т.д. В итоге в «Пугачеве» иногда появляются варианты, которые могли быть неточно услышаны, ошибочно восстановлены по памяти, прочитаны в различных публикациях уже с разночтениями; кроме того, их неканоническое звучание (и написание) обусловлено действительными вариациями, вызванными наличием официальной версии и ее народной огласовки, а также сменой топонимов или хотя бы их звуковым и орфографическим варьированием в разные исторические эпохи. Несмотря на значительную степень изученности проблемы, неисследованные моменты еще остаются в большом количестве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- РГАЛИ* – Российский государственный архив литературы и искусства.
- Буслаев, 1867* – Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Изд. 2-е. М.: Издание братьев Саралевых, 1867. 474 с.
- Дубровин, 1884* – Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774. По неизданным источникам: В 3 т. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1884.
- Елпатьевский, 1903* – Елпатьевский К. Учебник русской истории: с приложением родословной и хронологической таблиц и указателя личных имен / сост. К. Елпатьевский, инспектор С.-Петербургской Васильевской женской гимназии. 8-е изд., перепечатано без перемены с 7-го изд. СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1903. VI. 486 с.
- Есенин, 1995–2001* – Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995–2001. Т. 2. 1997; Т. 3. 1998; Т. 5. 1997; Т. 7 (Кн. 1). 1999.
- Земсков, 1966* – Земсков В. Письма в Ташкент (Еще несколько крупиц к биографии С. Есенина) // Звезда Востока. Ташкент, 1966. № 6. С. 134–145.
- Летопись, 2005а* – Летопись жизни и творчества Сергея Есенина. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2. 760 с.
- Летопись, 2005б* – Летопись жизни и творчества Сергея Есенина. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 3. Кн. 1. 480 с.
- Программы, 1903* – Программы для церковно-учительских школ. Изд-е училищного совета при Святейшем Синоде. СПб.: Синодальная типография, 1903. 145 с.
- Самоделова, 1995* – Самоделова Е. А. К автографу «Пугачева» С. А. Есенина: Почему исторические имена Отрепьев, Суворов, Федулев и топоним Джагильды не вошли в печатный текст // Есенин академический: Новое о Есенине. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 93–121.
- Самоделова, 1998а* – Самоделова Е. А. Историко-фольклорная поэтика С. А. Есенина / Рязанский этнографический вестник. 1998. 225 с.

- Самоделова, 1998б – Самоделова Е. А. <Реальный (историко-фольклорный) комментарий к «Пугачеву» С. А. Есенина> – Комментарии // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Голос, 1998. Т. 3. С. 501–539.
- Самоделова, 2006 – Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский жизнеописание на перекрестии культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006. (Сер. *Studia philologica*). 920 с.
- Самоделова, 2020а – Самоделова Е. А. Аральск. Башкирия. Белебей. Волга (в соавторстве с Н. М. Солобай). Вятка. Гурьев. Джигильды (Джагильды). Дон. Измайльские поля. Илецк. Ирбит. Иргис (в соавторстве с М. В. Скороходовым). Киргиз-Кайсацкая степь. Кокшайск (в соавторстве с М. В. Скороходовым). Кунгура. Мензелинск. Монголия. Оренбург. Оса. Оханск. Пермь. Приволжье. Сакмара. Сарапуль. Саратов (в соавторстве с М. В. Скороходовым). Сарепта. Сары-кум, Сарукум. Сура. Табинский острог. Таловый умет. Тамбов (в соавторстве с Н. И. Шубниковой-Гусевой). Татария. Тверская губерния. Туретчина (Турция). Уфа. Чаган. Челябинск. Черемшан. Чусовая. Яик. Яицкий городок // Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. I. Памятные места и литературная география / Под ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. Константиново: Гос. музей-заповедник С. А. Есенина, 2020. 355 с.
- Самоделова, 2020б – Самоделова Е. А. Топонимический образ Монголии в «Пугачеве» С. А. Есенина // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований. IV Междунар. науч. форум. Мат-лы Междунар. науч. конференции. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2020. С. 323–328.
- Темкина, Тартаковский, 1966 – Темкина И., Тартаковский П. Из истории русской литературы Узбекистана (1917–1930) // Звезда Востока. Ташкент, 1966. № 6. С. 153–154.

REFERENCES

- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [*Russian State Archive of Literature and Art*].
- Buslaev F. I. O prepodavanii otechestvennogo yazyka [*About teaching the Russian language*]. 2nd edition. M.: Izdanie brat'ev Saralevykh, 1867. 474 p. (in Russian).
- Dubrovin N. F. Pugachev i ego soobshchniki. Epizod iz istorii tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II. 1773–1774. Po neizdannym istochnikam: V 3 t. [*Pugachev and his accomplices. An episode from the history of Empress Catherine II's reign. 1773–1774. By unpublished sources: In 3 vol.*]. SPb.: Tip. I. N. Skorokhodova, 1884. (in Russian).
- Elpat'evskii K. Uchebnik russkoi istorii: s prilozheniem rodoslovnoi i khronologicheskoi tablits i ukazatelya lichnykh imen [*Textbook of Russian history: with the application of pedigree and chronological tables and index of personal names*] / Comp. by K. Elpat'evskii, 8th edition. SPb.: Tipogr. M. M. Stasyulevicha, 1903. VI. 486 p. (in Russian).
- Esenin S. A. Poln. sobr. soch.: V 7 t. (9 kn.) [*Complete set of works: In 7 vol. (9 books)*]. M.: Nauka; Golos, 1995–2001. Vol. 2. 1997; Vol. 3. 1998; Vol. 5. 1997; Vol. 7 (Book 1). 1999. (in Russian).
- Zemskov V. Pis'ma v Tashkent (Eshche neskol'ko krupits k biografii S. Esenina) [*Letters to Tashkent (A few more grains to the biography of S. Yesenin)*] // Zvezda Vostoka [*Star of the East*]. Tashkent, 1966. № 6. Pp. 134–145. (in Russian).
- Letopis' zhizni i tvorchestva Sergeya Esenina [*Chronicle of the life and work of Sergei Yesenin*]. M.: IMLI RAN, 2005. Vol. 2. 760 p. (in Russian).
- Letopis' zhizni i tvorchestva Sergeya Esenina [*Chronicle of the life and work of Sergei Yesenin*]. M.: IMLI RAN, 2005. Vol. 3. Book 1. 480 p. (in Russian).
- Programmy dlya tserkovno-uchitel'skikh shkol. Izd-e uchilishchnogo soveta pri Svyateishem Sinode. [*Programs for church teachers' schools. Publication of the School Board of the Holy Synod*]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1903. 145 p. (in Russian).
- Samodelova E. A. K avtografu «Pugacheva» S. A. Esenina: Pochemu istoricheskie imena Otrep'ev, Suvorov, Fedulev i toponim Dzhagil'dy ne voshli v pechatnyi tekst [*To the autograph of "Pugachev" by S. A. Yesenin: Why the historical names of Otrepyev, Suvorov, Fedulev and the toponym of Jagilda were not included in the printed text*] // Esenin akademicheskii: Novoe o Esenine [*Academic Yesenin: The new about Yesenin*]. M.: Nasledie, 1995. Issue 2. Pp. 93–121. (in Russian).
- Samodelova E. A. Istoriko-fol'klornaya poetika S. A. Esenina [*Historical and folklore poetics of S. A. Yesenin*] / Ryazanskii etnograficheskii vestnik [*Ryazan Ethnographic Bulletin*]. 1998. 225 p. (in Russian).
- Samodelova E. A. Real'nyi (istoriko-fol'klorny) kommentarii k «Pugachevu» S. A. Esenina – Kommentarii [*A real (historical and folklore) commentary on S. A. Yesenin's "Pugachev" – Comments*] // Esenin S. A. Poln. sobr. soch.: V 7 t. [*Yesenin S. A. Complete set of works: In 7 vol.*]. M.: Golos, 1998. Vol. 3. Pp. 501–539. (in Russian).

Samodelova E. A. Antropologicheskaya poetika S. A. Esenina: Avtorskii zhiznetekst na perekrest'e kul'turnykh traditsii [*Anthropological poetics of S. A. Yesenin: The author's life text at the crossroads of cultural traditions*]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006. (Studia philologica). 920 p. (in Russian).

Samodelova E. A. Aral'sk. Bashkiriya. Belebei. Volga (v soavtorstve s N. M. Solobai). Vyatka. Gur'ev. Dzhigil'dy (Dzhagil'dy). Don. Izmail'skie polya. Iletsk. Irbit. Irgis (v soavtorstve s M. V. Skorokhodovym). Kirgiz-Kaisatskaya step'. Kokshaisk (v soavtorstve s M. V. Skorokhodovym). Kungura. Menzelinsk. Mongoliya. Orenburg. Osa. Okhansk. Perm'. Privolzh'e. Sakmara. Sarapul'. Saratov (v soavtorstve s M. V. Skorokhodovym). Sarepta. Sary-kum, Sarukum. Sura. Tabinskii ostrog. Talovyi umet. Tambov (v soavtorstve s N. I. Shubnikovoi-Gusevoi). Tatariya. Tverskaya guberniya. Turechina (Turtsiya). Ufa. Chagan. Chelyabinsk. Cheremshan. Chusovaya. Yaik. Yaitskii gorodok // Eseninskaya entsiklopediya. 1895–1925. Vyp. I. Pamyatnye mesta i literaturnaya geografiya [*Yesenin Encyclopedia. 1895–1925. Issue I. Memorable places and literary geography*] / Ed. by N. I. Shubnikova-Guseva. Konstantinovo: Gos. muzei-zapovednik S. A. Esenina, 2020. 355 p. (in Russian).

Samodelova E. A. Toponimicheskii obraz Mongolii v «Pugachev» S. A. Esenina [*Toponymic image of Mongolia in “Pugachev” by S. A. Yesenin*] // Setevoe vostokovedenie: kul'turnye tsennosti Vostoka v orbite sovremennykh nauchnykh issledovaniy. IV Mezhdunarodnyi nauch. forum. Mat-ly Mezhdunar. nauch. Konferentsii [*Networked Oriental Studies: Cultural Values of the East in the Orbit of Modern Scientific Research. The IV International scientific forum. Materials of International scientific conference*]. Elista: Izd-vo Kalmytskogo un-ta, 2020. Pp. 323–328. (in Russian).

Temkina I., Tartakovskii P. Iz istorii russkoi literatury Uzbekistana (1917–1930) [*From the History of Russian Literature in Uzbekistan (1917–1930)*] // Zvezda Vostoka [*Star of the East*]. Tashkent, 1966. № 6. Pp. 153–154. (in Russian).

E. A. Samodelova

PECULIARITIES OF LITERARY AND REAL TOPONYMY IN “PUGACHEV” BY S. A. YESENIN

For the first time, a theoretical approach to the study of the poem “Pugachev” by S. A. Yesenin from the standpoint of toponymy is proposed. There were used statistical, linguistic and historical-philological methods of studying literary toponyms associated with the events of the Pugachev People's War and with real geographical maps of two eras – the end of the 18th and the beginning of the 20th centuries. The difference in the variety, variability and number of toponyms in the main text and in the versions of the poem has been studied; hypotheses were put forward as to why there were more geographical names in the manuscripts. The article provides information about the poet's acquaintance with the toponyms of the Pugachev region, starting from the school curriculum to acquaintance with people from those places. The supposed circle of toponymic sources of the poem is outlined, some of them and their reflection in “Pugachev” are analysed in a transformed form. Possible reasons for the discrepancy between a number of historical toponyms and those that appear in the poem are indicated. Among such reasons is S. A. Yesenin's desire to emphasize the peasant character of the people's liberation movement, although its main driving force was the Cossacks and nomadic pastoralists – representatives of the autochthonous population of the Urals region. A real trip to the places of the Pugachev events, undertaken by S. A. Yesenin in the spring and summer of 1921, also confused the use of historical and modern names in the poem which reflect the author's principle of literary historicism.

Keywords: literary toponymy, toponymic sources, main text and variants, toponyms in S. A. Yesenin's poem “Pugachev”, anachronisms in toponyms.

Самоделова Елена Александровна,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
РАН
(Москва, Россия)
helsa@rambler.ru

Samodelova Elena Alexandrovna,
Doctor of Sciences (Philology),
Senior Researcher,
A. M. Gorky Institute of World Literature of RAS
(Moscow, Russia)
helsa@rambler.ru